

Л. О. Константинова

АНТИФАШИСТСКИЕ ИДЕИ В ПЬЕСЕ Е. Л. ШВАРЦА «ДРАКОН»

В статье рассматриваются краткая биография и деятельность в годы Великой Отечественной войны известного советского прозаика и драматурга Евгения Львовича Шварца, а также исследуются антифашистские идеи пьесы «Дракон», написанной в 1944 году, при этом уделено особое внимание скрытой в образе персонажей исторической действительности военного времени.

Ключевые слова: Евгений Львович Шварц, Великая Отечественная война, антифашистские идеи, образы персонажей.

Евгений Львович Шварц — видный русский советский прозаик, драматург, киносценарист, более известный произведениями драматических жанров, один из создателей советской детской литературы и ведущий советский драматург.

Он родился 9 (21) октября 1896 года в Казани. После окончания реального училища в Майкопе (1913) учился на юридическом факультете Московского университета (1914–1916). Однако театр интересовал его больше профессии юриста, поэтому родительские деньги он тратил на билеты в цирк или оперу. К декабрю деньги кончились, и обнищавший студент в стоптанных ботинках вернулся к родителям в Майкоп. Вскоре его родители переехали в Екатеринодар, где жила семья отца. Позже, в марте 1918 года, он примет участие в первом штурме Екатеринодара, где вследствие тяжёлой контузии получит постоянный тремор рук, оставшийся с ним на протяжении всей жизни [4].

В 1922 году Евгений Львович Шварц после ряда приключений в своей театральной жизни попал секретарём к Корнею Ивановичу Чуковскому. С 1923 года он начал работать, обрабатывая письма в газете «Всероссийская кочегарка», выпускал литературное приложение к газете «Забой», стал ответственным секретарём журнала «Ленинград», а затем в 1926 году перешёл в издательство детской литературы «Радуга», где работал до 1928 года. В 1924 году началась его литературная карьера: вышло первое детское произведение Шварца — «Рассказ старой балалайки», опубликованное в июльском номере детского альманаха «Воробей» [7, с. 46]. Шварц работает много и плодотворно: сочиняет повести, рассказы, стихи, пьесы для детей и взрослых, смешные подписи к рисункам в журналах «Ёж» и «Чиж», сатирические обозрения, либретто для балетов, репризы для цирка, кукольные пьесы для

театра кукол Сергея Образцова, киносценарии. К Шварцу пришла слава детского писателя. 1 июля 1934 года его приняли в Союз писателей СССР [8].

С началом Великой Отечественной войны Шварц хотел вступить в ополчение, но, когда надо было расписаться в бумагах, военком заметил сильный тремор рук писателя. Его стали убеждать, что он не сможет держать в руках винтовку и тем более стрелять. И удивительно мягкий, даже застенчивый Шварц проявил неожиданную твёрдость: «...в армии не только стреляют из винтовки. Я могу пригодиться. Я не могу иначе. Вы не имеете права отказать мне». Ему не посмели отказать. Но на медосмотре, конечно, забраковали и в ополчение не приняли [5].

Вскоре Е. Шварц оказался в блокадном Ленинграде, где выступал на призывных пунктах, писал антигитлеровские сценки и был комментатором для Ленинградского радицентра. На крыше писательского дома на канале Грибоедова он дежурил вместе со своей женой: Евгений Львович гасил зажигательные бомбы, а его жена, Екатерина Ивановна, устроила санитарный пункт для помощи раненым. Они могли уехать в любой момент, потому что были в первоочередных списках на эвакуацию, но остались. Писателю казалось не порядочным бросать любимый город. Его не раз пытались убедить уехать из Ленинграда. Он согласился на эвакуацию только в декабре 1941 года, когда так ослабел, что едва мог передвигаться самостоятельно. С собой было разрешено вывезти только 10 килограммов. Писатель взял в самолёт самую важную свою вещь — тяжёлую пишущую машинку. А перед этим уничтожил целый чемодан рукописей, дневники, которые вёл с 1926 года. Не захотел их оставлять в неизвестности [5].

Друг Евгения Львовича, драматург Леонид Малюгин, вспоминал, как, приехав в Киров и поселившись в общежитии, Шварц «...на следующее утро отправился на базар. После ленинградской голодовки, микроскопических порций, он ахнул, увидев свиные туши, вёдра с маслом и мёдом, глыбы замороженного молока. Денег у него не было, да торговцы и брали их неохотно, интересуясь вещами. Шварц в первый же день, видимо, думая, что это благоденствие не сегодня-завтра кончится, променял все свои костюмы на свинину, мёд и масло — он делал это тем более легко, что они висели на его тощей фигуре, как на вешалке. В эту же ночь все сказочные запасы продовольствия, оставленные им на кухне, напоминавшей по температуре холодильник, были украдены. Украли их, вероятно, голодные люди; кто был сытым в эту пору — только проходимцы да жулики. Но всё равно тащить у дистрофика-ленинградца было уж очень жестоко. Однако Шварц не

ожесточился, успокоил жену, которая перенесла эту кражу как бедствие, и сел писать пьесу» [5].

10 апреля 1946 года он был награждён медалью «За оборону Ленинграда». За месяц до этого — медалью «За доблестный труд во время войны» [7, с. 211].

На основе собранных материалов Е. Шварц пишет пьесы к марту 1942 года «Одна ночь» о защитниках Ленинграда и к сентябрю 1942 года «Далёкий край», куда вошёл собранный им материал об эвакуированных ленинградских детях из детского дома [7, с. 208].

Одним из важных произведений Е. Л. Шварца военного времени является написанная в 1944 году пьеса-сказка «Дракон».

Первая попытка её постановки была предпринята Николаем Акимовым в Ленинградском театре комедии во время Великой Отечественной войны. В своих записях Евгений Шварц за 28 марта 1944 год отмечал, что репетиции «Дракона» идут полным ходом, однако Николай Акимов заболел гриппом, и это усложнило ход работы [7, с. 207]. Тем не менее спектакль был одобрен на предварительных просмотрах, но после первого показа на публике в Москве 4 августа 1944 года пьеса попала под запрет на постановку и не ставилась в СССР до 1962 года. В 1945 году Евгений Шварц предпринял попытку написать новую версию «Дракона» под влиянием Акимова, где должны были быть переписаны второй и третий акты. Шварц читал на художественном совете ВКИ новый вариант пьесы и имел успех. Но как раз в это время в газете «Британский союзник» опубликовали новость, что в Манчестерском театре поставили спектакль «Снежная королева» по пьесе Шварца [3].

Отечественные критики встретили пьесу «Дракон» довольно резко. В газете «Литература и искусство» появилась статья писателя Сергея Бородина, который посчитал, что «Шварц сочинил пасквиль на героическую освободительную борьбу народа с гитлеризмом. Сказка его — это клевета на народы, томящиеся под властью дракона, под игом гитлеровской оккупации, народы, борющиеся с гитлеровской тиранией. Затем и понадобился автору язык иносказаний, сказочная вуаль, наброшенная на пацифистские идеи». Критик с возмущением писал: «Каким надо обладать чёрствым сердцем, как далеко надо оказаться от общенародной борьбы с гитлеризмом, чтобы сочинить подобную дракониаду» [1].

Однако время расставило всё по своим местам, и сегодня, накануне 80-летия Великой Победы, мы рассматриваем пьесу как одно из наиболее ярких произведений советской драматургии, имеющую мощный антифашистский и гуманистический идейно-мировоззренческий потенциал.

Пьеса «Дракон» рассказывает о вымышленном городе, который находится рядом с загадочными Серыми горами. В городе 400 лет правит Дракон, которого нельзя победить, потому что победитель сам обращается в дракона. Большинство жителей давно подчинились своей судьбе и жестокому гнёту Дракона, но они не потеряли надежды. Когда храбрый рыцарь с чистыми помыслами по имени Ланцелот убивает Дракона, то выясняется, что свобода жителям не нужна. Народ готов принять рабство и тиранию от нового Дракона, лишь бы он был помягче. Тогда храбрый рыцарь понимает, что убить Дракона, правящего городом, было совсем недостаточно, потому что нужно уничтожать того дракона, который сидит в головах жителей этого города.

Пьеса Е. Л. Шварца создавалась в то время, когда деспотизм становился чуть ли не нормой жизни, а мир, находившийся под угрозой фашизма, был на грани уничтожения. Вот какую характеристику этой эпохе даёт писатель и переводчик Н. К. Чуковский: «Ложь, подлость, лесть, низкопоклонство, клевета, наушничество, предательство, шпионство, безмерная, неслыханная жестокость становились в гитлеровском государстве основными законами жизни... Всеми этому способствовало невежество и глупость. И трусость. И неверие в то, что доброта и правда могут когда-нибудь восторжествовать над жестокостью и неправдой. И Шварц каждой своей пьесой всему этому говорил: нет» [Цит. по: 2, с. 18]. Идеино сказка Е. Л. Шварца «Дракон», конечно, была направлена против германского фашизма, поэтому, опираясь на её тематику, можно усмотреть в ней черты такого жанра, как антифашистский памфлет.

Н. П. Акимов, художественный руководитель Ленинградского театра комедии, излагая историю создания пьесы, отмечал, что «Дракон» был начат Е. Л. Шварцем в то время, когда между Советским Союзом и гитлеровской Германией сложились непростые дипломатические отношения и делались последние попытки сохранения хрупкого мира, поскольку вступление в открытый конфликт с сильным врагом на тот момент не представлялось возможным. Именно сказочная оболочка, олицетворение фашизма в отталкивающем и пугающем образе Дракона, неконкретность национальности города, захваченного и угнетённого страшным чудовищем, позволяли автору «выступить против коричневой чумы без риска дипломатического конфликта». Дальнейшая работа над пьесой осуществлялась уже в разгар войны, и развитие действия в ней, как отмечает Н. П. Акимов, было обусловлено политикой западных стран, которые вели опасную игру, рассчитывая победить гитлеровскую Германию за счёт изматывания сил Советского Союза. Всё это наводило на размышления о том, что победа над Гитлером не

решит всех проблем и не положит конец всем социально-политическим конфликтам, мир окажется перед лицом новой опасности, поскольку «силы, отдавшие в Мюнхене Европу на растерзание фашизму и вынужденные сегодня сами от него обороняться, не стремятся к миру на земле и могут впоследствии оказаться не меньшей угрозой для свободы человечества» [2, с. 19].

О том, что «Дракон» изначально задумывался Е. Л. Шварцем именно как антифашистское произведение, направленное против нацизма, свидетельствует германский колорит, который демонстрируют имена действующих персонажей пьесы. Среди них Эльза — молодая девушка, которую как дань себе собираются забрать Дракон, Шарлемань — её отец, Генрих — сын бургомистра и один из помощников Дракона, и в происхождении Дракона, который красочно описывает своё появление на свет: «Дракон. Вы знаете, в какой день я появился на свет? Ланцелот. В несчастный. Дракон. В день страшной битвы. В тот день сам Аттила потерпел поражение, — вам понятно, сколько воинов надо было уложить для этого? Земля пропиталась кровью. Листья на деревьях к полуночи стали коричневыми. К рассвету огромные чёрные грибы — они называются гробовики — выросли под деревьями. А вслед за ними из-под земли выполз я. Я — сын войны. Война — это я. Кровь мёртвых гуннов течёт в моих жилах, — это холодная кровь. В бою я холоден, спокоен и точен» [6, с. 7].

Также Дракон имеет три головы, которые периодически меняет. Сам Е. Л. Шварц, по свидетельству современников, говорил, что три головы Дракона — это Адольф Гитлер, Иоахим Риббентроп и Йозеф Геббельс [2, с. 19]. Одна из его голов описана как «пожилой, но крепкий, моложавый, белобрысый человек, с солдатской выправкой» [6, с. 8]. Все последующие головы хоть немного и меняются во внешности лица, но оставляют блондинистый цвет волос, а следовательно, имеют безупречную арийскую внешность.

Интересным моментом является в пьесе ситуация, когда Дракон готов уничтожить рыцаря Ланцелота в доме архивариуса Шарлеманя. Но архивариус осторожно останавливает Дракона, напоминая о том, что он не может убить Ланцелота, исходя из своего же закона, который подкреплён клятвой. На это Дракон отвечает, что был тогда «наивным, сентиментальным, неопытным мальчишкой» и «мало ли что» он писал [6, с. 11]. В своё время фашистская Германия систематически нарушала международные договоры наравне с Японией и Италией.

Намёк на нацистскую Германию можно усмотреть и в авторской ремарке, открывающей второе действие, сцена в котором представляет собой

главную городскую площадь. С одной стороны, на площади находится «широкая крепостная стена», с другой — ратуша с часовым на башне, а в центре возвышается «огромное мрачное коричневое здание без окон, с гигантской чугунной дверью во всю стену от фундамента до крыши». На двери этого чудовищного архитектурного сооружения можно прочесть надпись, сделанную готическим шрифтом: «Людам вход безусловно запрещён». Помимо средневековой архитектуры, которая заставляет вспомнить о прошлом Германии, здесь есть детали, указывающие на её мрачное настоящее: коричневый цвет здания как аллюзия на коричневую чуму, поразившую мир, фигура часового на ратуше, а также запрещающая антигуманистическая надпись на двери [2, с. 19]. Нетрудно вспомнить размещавшиеся при входе в различные заведения рейха таблички со словами «Евреям вход запрещён».

Приметы фашистской расовой политики в городе, которым управляет тиран, угадываются в антипатии к цыганам, которые на заре драконьего правления бунтовали против деспотической власти, и тогда жестокий правитель очистил город от всех представителей этой нации. Принимая вызов Ланцелота на бой, Дракон полон решимости уничтожить противника ещё и потому, что тот является дальним родственником легендарного странствующего рыцаря из Артуровской хроники, а все странствующие рыцари, по мнению правителя-самодура, «те же цыгане». Люди, верящие в то, что Дракон защитил их от цыган, со спокойной душой шутят про них анекдоты. Например, Бургомистр, готовясь к прибытию Дракона, говорит: «Очень смешной анекдот... Как она сказала... Я думала, что все мальчики это умеют? Ха-ха-ха! А этот анекдот вы знаете? Очень смешной. Одному цыгану отрубили голову...» [6, с. 22]. В очищении города от цыган нельзя не увидеть совпадений с реальными социально-политическими процессами, происходившими в центре Европы в 1930–1940-х годах, когда в фашистской Германии и на территориях, ею оккупированных, была организована чудовищная кампания по уничтожению «расово неполноценных» людей [2, с. 20].

По своей сути образ Дракона является олицетворением фашизма и мощной силы угнетения, всегда предстаёт перед всеми как олицетворение милитаризма и физической силы. Он допускает грубые шутки, например: «Человек. Хорошо. Странник! Что ты не смотришь на меня? Чего ты уставился на дверь? Ланцелот. Я жду, когда войдёт дракон. Человек. Ха-ха! Я — дракон. Ланцелот. Вы? А мне говорили, что у вас три головы, когти, огромный рост! Дракон. Я сегодня попросту, без чинов» [6, с. 8]. Его описывают с «солдатской выправкой», у него чешуя, «как броня», а в речи он использует воинские

команды даже в разговоре с Эльзой: «Мордочку выше! Улыбайся!» [6, с. 8]. Дракон употребляет пословицы и поговорки из воинской жизни: «Раз, два, горе не беда!» [6, с. 8], требует отвечать по-военному чётко и ясно: «Рапортуй громко, отчётливо, по-солдатски» [6, с. 8], воспринимает жизнь сквозь призму военных действий: «Любуйся. У нас попросту, приезжай. По-солдатски» [6, с. 8]. Дракон хвастается своими «подвигами»: «Я уничтожил: восемьсот девять рыцарей, девятьсот пять людей неизвестного звания, одного пьяного старика, двух сумасшедших, двух женщин... и одного мальчика двенадцати лет... Кроме того, мною было уничтожено шесть армий и пять мятежных толп. В бою я холоден, спокоен и точен» [6, с. 9], стараясь таким образом вызвать страх в Ланцелоте, с которым у него предстоит битва. В завершение своего монолога Дракон самодовольно и категорично заявляет: «Я — сын войны. Война — это я» [6, с. 9]. Последнее замечание его звучит афористически и представляет собой аллюзию на знаменитое крылатое выражение «Государство — это я», которое традиционно приписывают французскому королю Людовику XIV [2, с. 20].

Образ Ланцелота является олицетворением правды, честности, антифашистской силы и Красной армии. В самом начале пьесы Ланцелот входит в пустой дом со словами: «Как хорошо, что я честный человек, а то пришлось бы мне сейчас дрожать, оглядываться, выбирать что подороже, и удирать во всю мочь, когда так хочется отдохнуть». Он единственный из всех человек с чистым сердцем и разумом, который возник неизвестно откуда, но за счёт этого видит проблему этого города и решается убить Дракона. Он рассказывает о жалобной книге, которую читает в одной пещере: «Горы, травы, камни, деревья, реки видят, что делают люди. Им известны все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно. От ветки к ветке, от капли к капле, от облака к облаку доходят до пещеры в Чёрных горах человеческие жалобы, и книга растёт. Если бы на свете не было этой книги, то деревья засохли бы от тоски, а вода стала бы горькой...», «Эта книга пишется для нас. Для меня и немногих других. Мы внимательные, лёгкие люди. Мы провели, что есть такая книга, и не поленились добраться до неё. А заглянувший в эту книгу однажды не успокоится вовеки. Ах, какая это жалобная книга! На эти жалобы нельзя не ответить. И мы отвечаем». Людями, которые нашли эту книгу, является Красная армия, которая в год написания пьесы освобождает оккупированные фашизмом территории Европы, что также можно подтвердить словами Ланцелота: «Мы вмешиваемся в чужие дела. Мы помогаем тем, кому необходимо помочь. И уничтожаем

тех, кого необходимо уничтожить» [6, с. 28]. И в итоге Ланцелот побеждает Дракона, даруя народу свободу, что можно рассмотреть как пророческий элемент победы в годы Великой Отечественной войны.

После свержения Дракона к власти приходят Бургомистр, объявивший себя победителем чудовища, и его сын Генрих — персонажи, относящиеся к тому типу людей, «только благодаря которым и могли существовать диктатуры, — трусов, стяжателей, подлецов и карьеристов» [2, с. 23]. Они являются олицетворением образов стран, лояльных к фашизму, которые выступают в виде коллаборационистских режимов, правителей Румынии и Венгрии, кого угодно, кто стремится взять власть после Дракона. Бургомистру и Генриху это удалось, поэтому, прикрываясь маской спасителей, постоянно уверяя людей, что теперь все счастливы, они продолжают выливать на всех жителей скрытые принципы фашизма, которые успели впитать в себя, когда служили Дракону. При этом Генрих и Бургомистр не видят грани абсурда и начинают писать друг на друга доносы, не доверяя никому, даже самим себе. Так, Бургомистр упрекает Генриха за то, что тот подкупил его слуг, чтобы те осуществляли слежку за отцом, прочитывали его бумаги. Зная об этом, Бургомистр перекупает шпионов сына, соревнуясь с ним в финансовой щедрости, а затем по-отечески советует Генриху остановить этот порочный процесс, поскольку их действия имеют катастрофические последствия для самих тайных агентов, разбегшихся, одичавших и развратившихся на бесконечных взятках. Так, секретарь Бургомистра, которого два прохиндея неоднократно перекупали друг у друга в течение одного дня, даже угодил в психиатрическую лечебницу и теперь не может определиться, у кого на службе он находится, и потому строчит доносы на Бургомистра, отправляя их ему же, более того, плетёт интриги даже против себя самого, стремясь занять должность, которая и так ему принадлежит. В результате Бургомистр доверительно предлагает сыну следить друг за другом по-родственному, без посторонних глаз и ушей, чтобы не нанести большой финансовый урон семейному бюджету [2, с. 23].

Народ является образом людей, угнетённых фашизмом. Как отмечал писатель Сергей Бородин, «тут-то и начинается беспардонная фантастика Шварца, которая выдаёт его с головой. Оказывается, жители в восторге от своего дракона» [1]. Народ утверждает, что уже давно привык к власти Дракона и смирился со всем, что он делает, потому что Дракон съедал всех, кто пойдёт против него, или сжигал дома жителей, решивших высказать своё мнение. Народ послушно подчиняется ему, не замечая грани жестокости,

которую перешёл этот зверь. Например, Шарлемань рассказывает Ланцелоту, чем Дракон питается: «Город наш даёт ему тысячу коров, две тысячи овец, пять тысяч кур и два пуда соли в месяц. Летом и осенью сюда ещё добавляется десять огородов салата, спаржи и цветной капусты», на что рыцарь говорит, что их объедают, но Шарлемань утверждает: «Нет, что вы! Мы не жалуемся. А как же можно иначе? Пока он здесь — ни один другой дракон не осмелится нас тронуть» [6, с. 6].

В сказке можно выделить таких персонажей, как Кот Машенька и Осёл, которые, сопроводив Ланцелота на бой, приходят к выводу, который метко описывает сознание всего народа: «Быть в отчаянии — это гораздо приятнее. Дремлешь и ничего не ждёшь» [6, с. 30]. По мнению Сергея Бородина, «мораль этой сказки, её “намек” заключается в том, что незачем, мол, бороться с драконом, — на его место сядут другие драконы, помельче; да и народ не стоит того, чтобы ради него копыта ломать; да и рыцарь борется только потому, что не знает всей низости людей, ради которых он борется» [1].

Несмотря на это, среди народа находятся люди, дающие Ланцелоту хорошее оружие к бою. Люди устремляют свои головы в небо, наблюдая, как рыцарь медленно побеждает Дракона. Народ пытаются обмануть Генрих и Бургомистр, говоря, что те, кто смотрит в небо, могут получить глазные болезни. Народ делает вид, что прислушивается, но стоит разносчику сказать о продаже зеркал, смотря на которые снизу можно увидеть небо, народ говорит, что «безобразие» предлагать такое, а затем скупает все зеркала [6, с. 33].

Таким образом, пьеса Е. Л. Шварца «Дракон», созданная в преддверии и во время Второй мировой войны, представляет собой завуалированный, но явно выраженный антифашистский характер. Образ Дракона, многоголового тирана с «арийской» внешностью, отсылающий к Гитлеру, Геббельсу и Риббентропу, служит аллегорией фашизма, его жестокости и пропаганды. Германский колорит в именах персонажей, упоминание о преследованиях цыган и воинственные речевые манеризмы Дракона подчёркивают антифашистскую направленность произведения. Ланцелот предстаёт как символ сопротивления и Красной армии, приносящей освобождение. Победа Ланцелота — это не только освобождение от Дракона, но и предостережение о новых опасных силах, способных прийти к власти после падения тирании, какими являются Бургомистр и Генрих, выступающие образами стран, лояльных к фашизму. При этом Шварц подчёркивает опасность пассивности и приспособленчества народа, способного привыкнуть к любой тирании. «Дракон» — это не просто детская сказка и пьеса, а художественное

изображение фашистской угрозы, человеконенавистнической сущности фашизма и страстный призыв к сопротивлению тирании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бородин, С. Вредная сказка / С. Бородин // Литература и искусство. — 1944. — 25 марта.
2. Миронова, Г. С. Жанровый синтез антифашистского памфлета и антиутопии в пьесе-сказке Е. Л. Шварца «Дракон» / Г. С. Миронова. — Текст : электронный // Вестн. Волж. ун-та им. Н. В. Татищева». — 2022. — Т. 2, № 2, 2022. — URL: <http://vuit.ru/upload/iblock/1d8/Вестник%20№2%20том%202022%20май%202022.pdf>.
3. Михайлов, В. Никак не убить дракона. Как Евгений Шварц уживался с советской властью / В. Михайлов. — Текст : электронный // Город 812 : Петербургский журнал. — URL: <https://gorod-812.ru/nikak-ne-ubit-drakona-kak-evgenij-shvarcz-uzhivalsya-s-sovetskoj-vlastyu/>. — Дата публикации: 21.10.2022.
4. Нинов, А. А. Шварц Евгений Львович / А. А. Нинов // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.]. Т. 29 : Чаган-Экс-ле-бен / под ред. А. М. Прохорова. — 3-е изд. — Москва, 1978. — Стб. 929.
5. Скородумова, Е. В. Ленинград. Блокада. Шварц / Е. Скородумова. — Текст : электронный // Независимая газета. — 2021. — 6 окт. — URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2021-10-06/15_1098_leningrad.html.
6. Шварц, Е. Л. Дракон : пьесы / Е. Шварц. — Москва : Эксмо, 2024. — 349, [1] с.
7. Шварц, Е. Мемуары / Е. Шварц. — Париж : La Presse Libre, 1982. — 248 с. — URL: https://archive.org/details/1982_20241128/mode/2up. — Текст : электронный.
8. Шварц, Е. Л. Телефонная книжка : [воспоминания] / Е. Шварц ; [сост. и коммент. К. Н. Кириленко]. — Москва : Искусство, Б. г. (1996). — 639, [1] с.